

*Посвящается
Тимоти Гартону-Эшу¹*

¹ Тимоти Гартон-Эш (род. 1955) — британский историк, автор книг и публикаций, посвященных политике и современной истории Центральной и Восточной Европы. *Здесь и далее примеч. пер.*

Эта повесть представляет собой
художественный вымысел.

Имена и характеры действующих лиц
являются плодом авторского воображения.

Всякое сходство с реальными
тараканами, живыми или мертвыми,
совершенно случайно.

ОДИН

Тем утром Джим Самс — не гений, но с усами — проснулся после нелегкого сна и обнаружил, что превратился в гигантское существо. Довольно долго он лежал на спине (не самая его любимая позиция) и ошарашенно смотрел на свои далекие ступни, их малочисленность. У него теперь было всего четыре конечности, и они не шевелились. Его прежние, коричневые, лапы — он уже испытывал по ним ностальгию — сейчас бы задорно месили воздух, пусть от этого и было бы мало толку. Он тихо лежал, борясь с паникой. У него во рту гнезвился мясистый орган, влажный, скользкий кусок плоти — какая гадость, особенно когда он сам собой ощупывал пещеру его рта и, как отметил Джим с тревогой, скользил по частоколу зубов. Он воззрился на всю длину своего тела. Окрас у него был, от плеч до щиколоток, бледно-голубой, с синей оторочкой на шее и запястьях, и с белыми пуговицами, шедшими в ряд вдоль слитного корпуса. Корпус периоди-

чески овевал порыв воздуха, приносивший не лишенный приятности запах разлагавшейся еды и зернового спирта, и Джим догадался, что это его дыхание. Его угол зрения досадно сузился — фасеточных глаз больше нет, — а буйство красок угнетало. Он начал понимать, что, по насмешке судьбы, его уязвимая плоть располагалась теперь снаружи скелета, который он даже не мог видеть. А как бы его утешил знакомый перелив коричневых пластин.

Все это было само по себе скверно, но, стряхнув с себя остатки сна, он осознал, что у него была какая-то важная одиночная миссия, хоть он и не мог вспомнить, в чем она заключалась.

«Я опоздаю», — подумал он, попытавшись приподнять с подушки голову, которая весила, должно быть, не меньше пяти килограммов. «Это так несправедливо. За что мне это?»

Фрагментарное сновидение, которое он видел, было глубоким и безумным, в нем его преследовало хрипкое эхо, звучащее в постоянном диссонансе. Только теперь, уронив голову обратно на подушку, он начал прозревать свой сон — мозаику воспоминаний, впечатлений и намерений, которую он безуспешно пытался сложить.

Да, он оставил приятно ветшавший Вестминстерский дворец втихую, по-английски. Как и было положено. Секретность прежде всего. Ему ли не знать. Но когда точно он двинулся в путь?

Несомненно, после темноты. Прошлым вечером? Позапрошлым? Должно быть, он ушел через подземную парковку. Если бы он выбрал главный вход, ему пришлось бы миновать начищенные ботинки полисмена. Теперь он вспомнил. Он спешил вдоль водостока, пока не достиг края внушавшего ужас перекрестка Парламент-сквер. Увидев стоявшие в ряд, рокотававшие моторами машины, которым не терпелось впечатать его в асфальт, он бросился наперерез, к водостоку на дальней стороне. После чего — казалось, прошло не меньше недели — он преодолел другую внушавшую ужас дорогу, стремясь к нужной стороне Уайтхолла. Что дальше? Он пробежал много ярдов, это не вызывало сомнений, а потом остановился. Почему? Ах да, он вспомнил, в чем было дело. Тяжело дыша всеми своими дыхальцами, он отдохнул у большого водостока, чтобы подкрепиться выброшенным куском пиццы. Весь кусок он не одолел, но надкусил изрядно. Ему повезло, что это была «Маргарита». Он ее обожал. Никаких оливок. По крайней мере, ему ни одной не попало.

Его новая громоздкая голова, как он обнаружил, могла без особых усилий поворачиваться на 180 градусов. Он повернул ее в одну сторону. Он находился в маленькой чердачной спальне, залитой резким утренним солнцем, — занавески не были задернуты. Рядом с кроватью стоял телефон,

даже два. Его ограниченный кругозор охватил ковер и остановился на плитусе с узким зазором под ним.

«Я мог бы заползти туда от утреннего света, — подумал он с грустью. — И был бы счастлив».

По другую сторону комнаты стоял диван, а рядом, на низком столике, хрустальный бокал и пустая бутылка виски. На кресло был наброшен костюм и чистая, сложенная рубашка. На столе побольше, у окна, лежали две папки, одна на другой, обе красного цвета.

Он понемногу наловчился двигать глазами, сообразив, что они действуют парно, без его участия. Он обнаружил, что язык лучше не высовывать наружу — так с него капало на грудь, — а держать во влажных пределах рта. Ужасно. Но он постепенно принаравливался управлять своим новым телом. Он способный. Что беспокоило его, так это необходимость выполнять неведомую миссию. Он знал, что должен принимать важные решения. Внезапно его внимание привлекло какое-то движение на полу. Он увидел миниатюрное тельце своего собрата, каким он был совсем недавно, и подумал, что смотрит на собственное тело, захваченное душой великана, в которого он превратился. Он смотрел, движимый заботливым интересом, как это крохотное создание перебирается по бороздам ворсистого ковра, направляясь к двери. Достигнув двери, путник остановился

в нерешительности, шевеля усами с видом новичка. Наконец он собрался с духом и полез под дверь, за которой его ожидал трудный и опасный спуск. Путь до дворца был долгим, и одолеть его было под силу не каждому. Но если он сумеет туда добраться, избежав смертельных опасностей, его там ждет, за панельной обшивкой или под досками пола, безопасность и покой среди миллионов себе подобных. Джим пожелал ему удачи. Но ему следовало подумать и о собственном положении.

И все же Джим не шелохнулся. Это мало что поменяло бы — любое движение тщетно, пока он не сложит отдельные события, приведшие его в эту незнакомую комнату, в связное путешествие. Так что он вернулся к воспоминаниям. Подкрепившись пищей, он поспешил дальше, почти не обращая внимания на суматоху наверху, занятый тем, чтобы держаться в тени водостока, но далеко ли он продвинулся, он не знал. Следующее, что он помнил, это возникшее на пути препятствие, а именно навозную горку, еще теплую, чуть курившуюся. При других обстоятельствах он бы обрадовался. Он считал себя в некотором смысле гурманом. Умел жить с комфортом. А это добро он мог узнать без колебаний. Да и кто бы не узнал этот пикантный аромат с нотками бензина, банановой кожуры и седельного мыла. Конная гвардия! И зачем он только наелся пиццы. «Маргарита» отбила у него аппетит к навозу, пусть даже к такому свежему